

Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
 Russkaya Starina
 Has been issued since 2010.
 E-ISSN: 2409-2118
 2021. 12(1): 13-19

DOI: 10.13187/rs.2021.1.13
www.ejournal15.com

The Forgotten Poet of the Pushkin Era. Part 1

Marina Ch. Larionova ^{a, *}

^a Federal Research Centre the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

The name of Vasily Ivanovich Tumansky, a popular poet of the 20-30s of the 20th century, a friend of Pushkin, Kukhelbeker, Ryleev, Baratynsky, was forgotten, and his works were not published for more than a hundred years. However, he deserves research attention. His first poem, “The Field of the Battle of Borodino”, was published in the journal “Syn Otechestva” (“Son of the Fatherland”), known for its proximity to future Decembrists. An important place in the poem took the topic of enlightenment and the idea of general welfare. Tumansky borrowed a combination of educational didactics with sensitivity from German philosophy and German sentimentalism. However, the problems that the novice poet solves suggest that he felt the spirit of free thought that most of the Russian noble youth were imbued with. When Tumansky was going to go to France, the capital of European liberalism of the time, Baratynsky wrote a poem addressed to him, “T-mu (In the album)”, which was an evidence of the friendship of the two poets and the support of the Tumansky by the Free Society of Lovers of Literature, Science, and the Arts.

Keywords: Tumansky, Baratynsky, “Syn Otechestva”, poems.

1. Введение

Тема и герой настоящей статьи как нельзя лучше подходят для нашего журнала. Старина – это не просто давно прошедшее, но часто забытое, баснословное, «преданья старины глубокой». Мало кто даже из филологов в наши дни помнит имя поэта начала XIX в. Василия Ивановича Туманского, а ведь в свое время он был очень популярен. Это о нем сказал А.С. Пушкин в «Евгении Онегине» – «наш друг Туманский», ему посвящали стихи В. Кюхельбекер, Е. Баратынский, писали дружеские письма К. Рылеев и А. Бестужев. Не стоит, однако, преувеличивать значение Туманского для русской литературы. Как в свое время заметил В. Саводник, «стихотворения его имеют лишь относительное эстетическое достоинство, мотивы его не отличаются новизной или яркой окраской индивидуальности; но зато они являются весьма характерными для настроения 20-х годов, и, познакомившись с Туманским, мы вместе с тем знакомимся с целым поколением поэтов, духовным вождем которых был Пушкин» (Саводник, 1902: 546). Именно типичность личной и творческой судьбы В.И. Туманского, отражение в его поэзии эстетических ценностей и идеалов эпохи, названной «золотым веком» русской литературы, заставляет извлечь его имя из забвения.

* Corresponding author
 E-mail addresses: larionova@ssc-ras.ru (M.Ch. Larionova)

2. Материалы и методы

Стихи В.И. Туманского, часто печатаемые в современных ему литературных журналах, позже почти не издавались. Назовем только три неполных сборника его стихотворений и писем (Туманский, 1881; Туманский, 1891; Туманский, 1912). Исследователи почти не обращались к творчеству этого поэта. Его имя упоминается обычно в связи с А.С. Пушкиным или декабристами. Поэтому представляется логичным писать о В.И. Туманском с позиций биографического и культурно-исторического методов, что позволит определить его место и роль в литературном движении 20-х годов XIX столетия.

3. Обсуждение и результаты

Основные вехи жизни и творчества В.И. Туманского были обозначены его биографом С.Н. Браиловским (Браиловский, 1912). Мы же обратимся к его ранним стихам. В 1817 г. в журнале «Сын Отечества» была напечатана элегия «Поле Бородинского сражения» с подзаголовком «Первый опыт семнадцатилетнего поэта». С этим журналом сотрудничали Пушкин, Грибоедов, Рылеев, А. Бестужев, Кюхельбекер – общественно-политическая и литературная направленность его в это время очевидна.

Элегия Туманского была, как указано самим автором, подражанием немецкому поэту Тидге, известному философской, в духе Канта, поэмой «Урания», песней «Ехал казак за Дунай» и дружбой со многими русскими путешественниками, посещавшими Германию, особенно с В.А. Жуковским. В «Поле Бородинского сражения» заявили о себе основные черты Туманского-поэта: философичность, медитативность, чувствительность в сочетании с гражданским пафосом:

Покой бежит меня, лишь ужас предо мною;

О человечестве здесь буду горевать (Туманский, 1912: 45).

Характерно, что поэт пишет о Бородинском сражении не в хвалебно-одической державинской манере («Князь Кутузов-Смоленский», «Багратион»), не в духе военно-патриотических песен Ф. Глинки («Военная песнь», «Песнь русского воина при виде горящей Москвы» и др.), а в элегическом жанре. Это открывает большие возможности для размышлений на темы жизни и смерти, суетности земных страстей на пороге вечности («Лишь в жизни ненависть, / Смерть всех нас примиряет!»), на тему героизма, патриотизма всего русского народа:

Спеша умножить строй отечества сынов,

Там дева юношу сама вооружает

И, горестна в душе, веселый кажет вид (Туманский, 1912: 46).

С особым воодушевлением изображает Туманский Багратиона, чью гибель оплакивает все отечество:

Багратион, сии ль питали мы надежды?

Отечества краса, врагов строптивых страх,

Арея грозный сын! Твои сомкнулись вежды!

Но сладостен твой сон – отечество в слезах (Туманский, 1912: 48).

В восприятии и изображении Багратиона Туманский следует, в частности, за Жуковским:

И ты... и ты, Багратион?

Вотще друзей молитвы,

Вотще их плач... во гробе он,

Добыча лютой битвы (Жуковский, 1999: 235).

Элегия «Поле Бородинского сражения» формально содержит приметы этого жанра: наступающий вечер, пробуждающий воображение поэта, дева, приходящая на могилу павшего в сражении юноши, традиционное словоупотребление («Во мрачность дикую закутались леса / И ветерок ночной в кустарниках резвился») и т.д. Однако задачу своей элегии Туманский понимал шире, чем просто напоминание о прошлом, пусть и героическом. Наставление, просвещение царя на уроках славного, но горького прошлого – вот конечная цель размышлений поэта, скорее, дань просветительской традиции, а не свидетельство сформировавшихся убеждений. Всеобщее благоденствие – вот желаемый результат такого просвещения:

Какое зрелище! О юный повелитель!

Взгляни на груди тел и на гряде костей:
 Клянись быть своему народу покровитель,
 И богом мира быть, и счастьем жизни сей.
 Взгляни и сосчитай, когда бежишь за славой,
 Черепьев тысячи, которы здесь лежат...
 Ужель приятно столь – бичом, войной кровавой
 Обломками свой век в Историю вписать? (Туманский, 1912: 48-49).

Любопытно, что «Поле Бородинского сражения» своим антивоенным и просветительским пафосом близко перекликается со стихотворением Пушкина «На возвращение государя императора из Парижа в 1815 году»:

Ты наш, о русский царь! Оставь же шлем стальной
 И грозный меч войны, и щит – ограду нашу;
 Излей пред Янусом священну мира чашу,
 И брани сокрушив могущею рукой,
 Вселенну осени желанной тишиной (Пушкин, 1937: 147).

Но если Пушкин далее рисует благодатные перспективы мирной жизни, то Туманский, проводя исторические аналогии с «Цезарем» и «грозным Карлом», чье «величие» кончилось «в единый черный день» их смертью, продолжает свою главную мысль: «Без доблестей души военна слава – тень!..».

Сочетание просветительской дидактики с чувствительностью Туманский заимствовал у немецкой философии, немецкого сентиментализма, у взятого за образец Тидге. Это будет заметно в более поздних стихотворениях и особенно в письмах. В 1822 г. поэт скажет о себе:

Усердно познакомясь с Кантом
 И просветить желая Русь,
 Я позабыл вертеться франтом,
 Украся шею пышным бантом,
 И горожанам я кажусь
 В пыли зарывшимся педантом (Туманский, 1912: 92).

Но проблемы, которые решает начинающий поэт, позволяют предположить, что он ощущал тот дух свободомыслия, которым была проникнута большая часть русской дворянской молодежи.

Элегия «Поле Бородинского сражения» обратила на себя внимание петербургских литературных кругов. Кюхельбекер так отозвался о ней в своем дневнике: «Для 17-летнего поэта она истинно хороша и лучше в некоторых отношениях тех, которые написал я 20-ти лет. В ней даже есть стих, который не относительно, а положительно прекрасен. Жаль, что он неразлучно соединен с предшествующим ему дурным стихом:

Муж почитаемый в сердцах не умирает,
 Из самой вечности бросает тень свою» (Кюхельбекер, 1929: 125).

В 1818 г. Туманский сблизился с кругом писателей, которые группировались вокруг журнала «Благонамеренный», издаваемого А.Е. Измайловым. Измайлов стоял во главе Вольного общества любителей словесности, наук и художеств. Туманский вступил в общество, когда в нем уже существовали две основные группировки, между которыми шла неявная пока борьба. Вокруг председателя Общества А.Е. Измайлова объединялись литературные и политические консерваторы. Левую часть составляли принятые в 1817–1818 гг. Ф. Глинка, который уже тогда был членом «Союза спасения», Дельвиг, Кюхельбекер, А.Ф. Раевский и др. Будущие декабристы и их сторонники издавали журналы «Сын отечества» и «Соревнователь просвещения и благотворения». Журнал «Сын Отечества» возглавил Н. Греч, поскольку на издательство от имени Общества не было дано разрешения.

Однако в 1818–1819 гг. Туманский по своей художественной ориентации ближе к кругу «Благонамеренного». Он пробует силы в жанре дружеского послания («К друзьям детства»), пишет мадригалы, шарады. Его элегии, пока несколько тяжеловесные («Монастырь», «Воспоминание»), носят следы влияния Жуковского. Общественная позиция Туманского лучше всего выражена в стихотворении 1819 г. «Моя мысль»:

В отчизне драгоценной – с милой
 Я счастлив в жизни сей унылой:
 Любовь родных, любовь друзей

Дороже славы и честей (Туманский, 1912: 64).

Тем не менее в избирательности художественных интересов молодого поэта ощущается направляющее действие левой части Вольного общества любителей словесности, наук и художеств. Он переводит с греческого («Надгробная песня»), и с французского («Вертер к Шарлоте»), увлечен Гете и Парни. Интерес к Парни становится тем более понятным, что Парни, поэт, романтическая личность, пользовался большой симпатией многих поэтов декабристского направления, особенно после того, как подвергся политическим преследованиям за поддержку бостонских инсургентов, грозившую ему Бастилией, о чем в журнале «Соревнователь просвещения и благотворения», № 5 за 1821 год, была помещена статья под авторством «Н.Ф.».

В статье «О романтической поэзии» О. Сомов так определил причину популярности Парни: «И у французов, между множеством поэтов, подчинившихся правилам так называемой классической поэзии, выказываются иногда такие, которые сбросили с себя иго условий неотступных. Одним из сих смелых почитаю я пылкого Парни. В поэме своей “Иснель и Аслега” он проложил себе дорогу совершенно новую и рассыпал свежие, блестящие цветы на утрюмые скалы снежной Скандинавии» (Сомов, 1823: 15). Туманский перевел два романа из этой поэмы. Кроме того, он в «Благонамеренном» были напечатаны его «Две Мадагаскарские песни (Из Парни)», не включенные ни в одно собрание его сочинений. А между тем именно во второй песне проявилась идеологическая близость Туманского кругу Ф. Глинки, В. Кюхельбекера, А. Бестужева. Поэт выступает здесь противником рабства. По поводу проданной в рабство собственной матерью мадагаскарской девушки он восклицает: «Бесплодные мольбы! Ее продали: обремененную оковами посадили на корабль; и она навеки оставила любезное и дорогое отечество!» (Туманский, 1818: 46).

Еще в 1818 г. Туманский начал строить планы отъезда за границу. В стихотворении «К друзьям детства» он писал:

Я покидаю вас, о Лары красных дней!
О кров родительской, прелестной,
Где я в тиши расцвел, где я вкушал покой!
О други с доброю душой!
Я покидаю вас для дали неизвестной:
Так долг святой велит! (Туманский, 1912: 58).

Неизвестно, что понимал Туманский под «святым долгом»: только ли необходимость изучения европейской культуры, что уже само по себе говорит о многом, или нечто большее. По справедливому замечанию А. Веселовского, «притягательная сила французского национального элемента заключалась в верности политическим традициям, устоявшим во французском народе под гнетом Бонапарта и Бурбонов, в сочувствии политическому возрождению. Париж был в их (молодых писателей. – М.Л.) глазах центром образованности, гуманности и либерализма» (Веселовский, 1916: 147). В 1820 г. в Европу с целью продемонстрировать европейским либералам передовые идеи русской молодежи отправился Кюхельбекер. Неизвестно, имел ли Туманский осознанную цель, но его близость к «левой» партии Вольного общества любителей словесности, наук и художеств подтверждается еще и тем, что этот отъезд не прошел незамеченным.

В «Сыне Отечества» за 1819 г., № 49, было напечатано стихотворение Е. Баратынского «Т-му (В альбом)». Адресатом этого стихотворения традиционно считался Ш. Шляхтинский, смоленский приятель Баратынского. Указание на него принадлежит С.А. Рачинскому и с тех пор повторялось издателями стихотворений поэта, в том числе такими авторитетными, как «Библиотека поэта» и «Литературные памятники». Причем комментаторов несколько не смущало, что в первой публикации, а в журнале «Сын Отечества» была первая публикация этого стихотворения, оно названо именно «Т-му». Как оно может относиться к Шляхтинскому – непонятно, если только не предположить опечатку или анаграмму (Т – перевернутое Ш). Весь комментарий Рачинского заключается в карандашной помете к этому стихотворению в одном из сборников сочинений Баратынского, который хранится в Татевском архиве. Повторение этого утверждения может объясняться тем, что исследователи и комментаторы имели дело с более поздней редакцией стихотворения, где снято название и конкретные приметы адресата и обстановки, в которой оно было написано. Любопытно, что это не единственный случай биографии Туманского, которому так не повезло с местом в литературной жизни начала

1820-х гг. Чуть позже Кюхельбекер заменит название стихотворения «К Туманскому» на «К Ахатесу», что тоже введет в заблуждение исследователей. А еще позже Пушкин черновик письма адресует одному лицу, а само письмо в окончательном варианте – Туманскому. Но можно с уверенностью первым адресатом стихотворения Баратынского назвать Туманского.

Достаточно веские аргументы обнаруживаются в самом стихотворении. Его содержание – предчувствие тяжелой судьбы, разлуки с «кровом родимым», забвение друзей, печать «судьбы враждебной с юных лет». Поводом для печальных размышлений служит расставание с другом. Туманский в это время уже уехал или готовился к отъезду:

Пускай измаранный листок
Тебе напомнит о Поэте!
Кто знает, друг, какую в свете
Ему тропу назначил рок?
Увы! с растерзанной душою
Не раз я милых покидал
И руку друга пожимал
В прощанье трепетной рукою! (Баратынский, 1819: 126)

Баратынский определенно указывает, куда отправляется его адресат (этих строк нет в других редакциях):

А ты к отеческим полям
С полей победы возвращенный... (Баратынский, 1819: 126)

«Поля победы» – это Франция, конечная цель путешествия Туманского. Стихотворение содержит и намек на творческую близость поэтов:

Когда ж стихи его найдешь,
Залог простой, но дружбе милой,
Прочтешь с улыбкою унылой
И тихо лист перевернешь (Баратынский, 1819: 126).

Туманский, как и Баратынский, был уже признанным автором многих унылых элегий. В послании Баратынского угадываются сразу несколько стихотворений Туманского, в первую очередь, его прощальное «К друзьям детства». Само детство, «родительский кров» (Туманский) оба поэта понимают шире, чем место, где они провели первые годы жизни. Это некий этап духовного созревания, который заканчивается сейчас, с расставанием с друзьями, с «кровом родимым» (Баратынский). Один уехал в Париж, другой вскоре – в Финляндию. А в изображение родимого крова Баратынский включает образы из стихотворения Туманского «Тоска по родине».

Туманский:
Родина милая! скоро ль с надеждою
Щастья к тебе возвращуся?..
...Чистый ручей меж цветов извивается
С тихим журчанием..
...Холм, где невинным младенцем с веселостью
Часто гонялся за пестрою бабочкой... (Туманский, 1912: 58)

Баратынский:
Ты помнишь милую страну,
Где жизнь и радость мы узнали
Где зрели первую весну,
Где первой страстию пылали?
Ручей покинул я родной,
Побрел пустынною тропою... (Баратынский, 1819: 126)

Мотив одиночества, оторванности от родины, от дружеского круга присутствует у обоих поэтов. Но у Туманского надежда на лучшие времена, на память и любовь друзей лишь сводит драматизм к меланхолии?

Но если прежнюю любовью
Вы будете певца смиренного любить,
И Гений мой, склоняся к изголовью,
Шепнет, что верны мне друзья:
Тогда веселости струя

Во грудь унылую прольется,
И голос радости в отчизне отзовется,
И буду счастлив я (Туманский, 1912: 58).

Одиночество у Баратынского безнадежно – ощущение, свойственное всей его поэзии. Оно воспринимается как проявление враждебности судьбы, изгнанничество. Одиночество у Туманского в целом понимается как уединение, покой:

Вот жизни нашей, мой Поэт,
Удачное изображение;
Ах! в свете только шум живет;
Спокойствие – в уединеньи («Стансы к другу». Туманский, 1912: 61-62).

Это ясно понимает Баратынский, противопоставляя судьбу адресата и свою: один возвратится к «отеческим полям», «хваля покой уединенный», другой совершит завет «непримиримой» судьбы.

4. Заключение

Таким образом, стихотворение «Т-му (В альбом)» становится доказательством близости поэтов в 1818-1819 гг. и фактом поэтической биографии не только Баратынского, но и Туманского. Кроме того, оно демонстрирует отношение к Туманскому всей «левой» части Вольного общества тем, что не осталось в альбоме, как сказано в заглавии, а было опубликовано в журнале «Сын Отечества» и приурочено к его отъезду. Так складывалась литературная репутация молодого поэта.

5. Благодарности

Публикация подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН, № гр. проекта АААА-А19-119011190182-8

Литература

- Баратынский, 1819 – Баратынский Е.А. Т-му (В альбом) // *Сын Отечества*. 1819. № 49. С. 126.
- Браиловский, 1912 – Браиловский С. В.И. Туманский (Биографический очерк) // Туманский В.И. Стихотворения и письма / Ред., биогр. очерк и примеч. Браиловского С.Н. СПб.: А.С. Суворин, 1912. 434 с.
- Веселовский, 1916 – Веселовский А.Н. Западное влияние в новой русской литературе. М.: Типо-лит. И.Н. Кушнерев и К^о, 1916. 259 с.
- Жуковский, 1999 – Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. Т. 1. М.: Языки русской культуры, 1999. 759 с.
- Кюхельбекер, 1929 – Кюхельбекер В.К. Дневник: Материалы к истории русской литературы и общественной жизни 10–40-х годов XIX века. [Л.]: Прибой, 1929. 377 с.
- Пушкин, 1937 – Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 16 т. Т. 1. М.: АН СССР, 1937. 531 с.
- Саводник, 1902 – Саводник В. Забытый поэт Пушкинской плеяды. Василий Иванович Туманский // *Русский Вестник*. 1902. № 2. С. 544-563.
- Сомов, 1823 – Сомов О. О романтической поэзии: Опыт в трех статьях. СПб.: Тип. Императорского воспитательного дома, 1823. 126 с.
- Туманский, 1818 – Туманский В.И. Две Мадагаскарские песни (Из Парни)// *Благонамеренный*. 1818. № 4. С. 44-46.
- Туманский, 1881 – Туманский В.И. Стихотворения (1817–1839) / Биогр. очерк Милорадовича Г.А. Пб.: Тип. И.Е. Габермана, 1881. 176 с.
- Туманский, 1891 – Туманский В.И. Письма и неизданные его стихотворения. Чернигов: гр. Г.А. Милорадович, 1891. 152 с.
- Туманский, 1912 – Туманский В.И. Стихотворения и письма / Ред., биогр. очерк и примеч. Браиловского С.Н. СПб.: А.С. Суворин, 1912. 434 с.

References

- Baratynskij, 1819 – Baratynskij, E.A. (1819). T-mu (V al'bom) [T-mu (To the album)]. *Syn Otechestva*. 49: 126. [in Russian]

Brailovskij, 1912 – *Brailovskij, S.* (1912). V.I. Tumanskij (Biograficheskiy ocherk) [V.I. Tumanskij (Biographical essay)]. Tumanskij V.I. Stihotvorenija i pis'ma. Red., biogr. ocherk i primech. Brailovskogo S.N. [Tumansky V.I. Poems and letters. Ed., biogr. sketch and notes by S.N. Brailovsky]. SPb.: A.S. Suvorin, 434 p. [in Russian]

Kjuhel'beker, 1929 – *Kjuhel'beker, V.K.* (1929). Dnevnik: Materialy k istorii russkoj literatury i obshhestvennoj zhizni 10–40-h godov XIX veka [Diary: Materials for the History of Russian Literature and Public Life of the 10-40s of the XIX century]. [L.]: Priboj, 377 p. [in Russian]

Pushkin, 1937 – *Pushkin, A.S.* (1937). Polnoe sobranie sochinenij: V 16 t. T. 1 [Complete works: In 16 vols. Vol. 1]. M.: AN SSSR, 531 p. [in Russian]

Savodnik, 1902 – *Savodnik, V.* (1902). Zabytyj pojet Pushkinskoj plejady. Vasilij Ivanovich Tumanskij [The Forgotten Poet of the Pushkin Pleiad: Vasily Ivanovich Tumansky]. *Russkij Vestnik*. 2: 544–563. [in Russian]

Somov, 1823 – *Somov, O.* (1823). O romanticheskoj poezii: Opyty v treh stat'jah [About romantic poetry: Practice in three articles]. SPb.: Tip. Imperatorskogo vospitatel'nogo doma, 126 p. [in Russian]

Tumanskij, 1818 – *Tumanskij, V.I.* (1818). Dve Madagaskarskie pesni (Iz Parni) [Two Madagascar Songs (Two Madagascar Songs (From Parny)]. *Blagonamerennyj*. 4: 44–46. [in Russian]

Tumanskij, 1881 – *Tumanskij, V.I.* (1881). Stihotvorenija (1817–1839) / Biogr. ocherk Miloradovicha G.A. [The poems (1817–1839). Biogr. essay by G.A. Miloradovich]. Pp.: Tip. I.E. Gabermana, 176 p. [in Russian]

Tumanskij, 1891 – *Tumanskij, V.I.* (1891). Pis'ma i neizdannye ego stihotvorenija [Letters and unpublished poems of his]. Chernigov: gr. G.A. Miloradovich, 152 p. [in Russian]

Tumanskij, 1912 – *Tumanskij, V.I.* (1912). Stihotvorenija i pis'ma / Red., biogr. ocherk i primech. Brailovskogo S.N. [Poems and letters. Ed., biogr. sketch and notes by Brailovsky S.N.]. SPb.: A.S. Suvorin, 434 p. [in Russian]

Veselovskij, 1916 – *Veselovskij, A.N.* (1916). Zapadnoe vlijanie v novoj russkoj literature [Western Influence in the New Russian Literature]. M.: Tipo-lit. I.N. Kushnerev i K^o, 259 p. [in Russian]

Zhukovskij, 1999 – *Zhukovskij, V.A.* (1999). Polnoe sobranie sochinenij i pisem: V 20 t. T. 1. [Complete works and letters: In 20 vols. Vol. 1]. M.: Jazyki russkoj kul'tury, 759 p. [in Russian]

Забывтый поэт пушкинской эпохи. Часть 1

Марина Ченгаровна Ларионова ^{a, *}

^a Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук, Российская Федерация

Аннотация. Имя Василия Ивановича Туманского, популярного поэта 20–30-х гг. XIX в., приятеля Пушкина, Кюхельбекера, Рылеева, Баратынского, оказалось забытым, а его произведения не издавались более ста лет. Однако он заслуживает исследовательского внимания. Его первое стихотворение «Поле Бородинского сражения» было опубликовано в журнале «Сын Отечества», известном своей близостью к будущим декабристам. Важное место в стихотворении занимает тема просвещения и идея всеобщего благоденствия. Сочетание просветительской дидактики с чувствительностью Туманский заимствовал у немецкой философии, немецкого сентиментализма. Но проблемы, которые решает начинающий поэт, позволяют предположить, что он ощущал тот дух свободомыслия, которым была проникнута большая часть русской дворянской молодежи. Когда Туманский собирался поехать во Францию, столицу европейского либерализма в это время, Баратынский написал адресованное ему стихотворение «Т-му (В альбом)», которое свидетельствует о дружбе двух поэтов и о поддержке Туманского Вольным обществом любителей словесности, наук и художеств.

Ключевые слова: Туманский, Баратынский, «Сын Отечества», стихотворения.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: larionova@ssc-ras.ru (М.Ч. Ларионова)